

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ДО 2030 ГОДА

***Жукова Илона Андреевна, магистрант
Автономная некоммерческая организация высшего образования "Открытый
университет экономики, управления и права"***

Аннотация. В настоящей статье сравниваются по форме и содержанию два политико-правовых документа: Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года и ее предшественница – Концепция до 2020 года. Цель работы – на основе сравнения указанных документов показать авторскую точку зрения на наиболее актуальные и значимые положения Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года, а также определить иные мероприятия (положения), которые могли бы дополнить данный документ.

Ключевые слова: концепция, развитие, уголовно-исполнительная система, планирование, стратегический документ, модернизация, исправительное учреждение, указ, распоряжение.

CONCEPT FOR THE DEVELOPMENT OF THE PENAL SYSTEM UNTIL 2030

Summary. This article compares in form and content two political and legal documents: the Concept for the development of the penitentiary system until 2030 and its predecessor, the Concept until 2020. The purpose of the work is, based on a comparison of these documents, to show the author's point of view on the most relevant and significant provisions of the Concept for the development of the penitentiary system for the period up to 2030, as well as to identify other activities (provisions) that could supplement this document.

Keywords: concept; development; the penal system; planning; strategic document; modernization; a correctional facility; decree, order.

2020 год завершил десятилетний цикл применения стратегического документа политикоправового характера, определившего развитие российской уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) до 2020 года – Концепции развития УИС до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р (далее – Концепция 2020).

Этот документ определил вектор модернизации уголовно-исполнительной системы и существенно повлиял на формирование правовой системы, правовой культуры и правоприменения в сфере «реализации государственных принудительные меры учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и их деятельность».

Явный непрерывный цикл применения этих программно-идеологических документов определяет необходимость доработки концепции «выхода» для разработки нового документа по планированию развития уголовно-исполнительной системы на годы вперед.

Летом 2014 года законодательная власть приняла Федеральный закон № 172, характеризующий документы стратегического планирования в государственной и муниципальной деятельности. Однако термин как вид документа в данном Федеральном законе не встречается, его вид не определен. Однако по закону Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации могут издавать (в нашем случае на отраслевом уровне) иные документы стратегического планирования.

По мнению М. А. Мушинского, эта норма дезорганизует систему документов стратегического планирования, а не конструктивно ее рационализирует. Автор также ставит вопрос: являются ли опубликованные до лета 2014 г. документы (например, концепция и т. д.) документами стратегического планирования [1, с. 495]? Настоящий Федеральный закон не дает

ответа на этот вопрос. Однако при этом отмечает, что документы стратегического характера, принятые до дня вступления в силу соответствующего федерального закона, считаются действующими до окончания указанного в нем срока, если иное не установлено Президентом Российской Федерации и Правительством. Федерации Российской.

Концепция до 2020 года утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации, а концепция реорганизации уголовно-исполнительной системы МВД России (на период до 2005 года) разработана в 1995 году ГУИН МВД России Министерства внутренних дел России утверждены Президентом Российской Федерации 13 апреля 2020 г. утверждены в январе 1996 г. Сходные по содержанию с этими понятиями документы стратегического планирования в сфере деятельности уголовно-исполнительной системы, например, Государственная программа Российской Федерации «Юстиция» от 15 апреля 2014 г. № 312 и ФЦП «Развитие уголовно-исполнительной системы» (2018-2026 гг.), утвержденных постановлениями Правительства Российской Федерации.

Представляется, что эту сторону формы концепции (вид документа и способ его реализации), как мы уже отмечали выше, должен определить Президент Российской Федерации. При этом характер документа, как представляется, должен носить как идейно-правовой характер, так и оперативно-тактический, и иметь форму указа. В связи с этим Указ Президента Российской Федерации № 1100 «О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации», принятый 08.10.1997.

То, как концепция претворяется в жизнь, должно соответствовать современным реалиям, т.е. по согласию, а не по согласию. Самая последняя форма введения документа более точно соответствует 1990-м годам. 20 век, когда многие документы стратегического планирования были утверждены, а не утверждены.

По содержанию концепция 2030 года состоит из шести глав и пятнадцати подглав (в концепции 2020 года каждая из шести глав и тринадцати подглав). Применительно к Концепции-2020 определены новые самостоятельные подразделы по медицинскому обслуживанию, капитальному строительству и научно-техническому обеспечению. При этом в проекте Концепции-2030 не определен раздел об общей характеристике и современном состоянии уголовно-исполнительной системы России, о совершенствовании уголовно-исполнительной политики, нет даже раздела об ожидаемых результатах реализации реализации Концепции..

Представляется, что эти разделы следует рассмотреть в будущем стратегическом документе. Поэтому за десять лет общая характеристика и современное состояние пенитенциарной системы России существенно изменились. Цель проекта «Концепция 2030» также изменилась по сравнению с «Концепцией 2020».

В первом случае ставится цель установить основные направления развития уголовной системы, обеспечить соответствие ее деятельности общепринятым международным стандартам и потребностям общественного развития Российской Федерации. И представляется более глобальным по отношению к тринической системе целей Концепции-2020, условно построенной на линии «совершенствование деятельности учреждений и органов исполнения наказаний – снижение рецидивизма преступлений лицами, отбывшими наказание – гуманизация условия содержания задержанных и задержанных».

Между двумя документами есть разница в количестве и содержании поставленных задач. Концепция 2020 определяет 13 задач. Концепция 2030 включает 7 задач. Это различие можно объяснить тем, что часть задач, определенных Концепцией 2020, уже решены или находятся в процессе решения.

Так, например, фактически была реализована задача «осуществления раздельного содержания осужденных с учетом тяжести совершенного преступления и криминологической характеристики преступника». Таким образом, первое предложение части 2 ст. 80 УК РФ, действовавшей с момента принятия УК РФ (с 1997 года) до начала второго десятилетия XXI века. в забвении, на данный момент это практически работает.

Фактически в уголовно-исполнительной системе России была создана пенитенциарная система, предназначенная для отбывания наказания лицами, впервые осужденными к лишению

свободы отдельно от ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы. Можно с определенной уверенностью сказать, что задача Концепции-2020 «создание условий для поэтапного сокращения количества заключенных, содержащихся в жилом доме, в исправительных учреждениях, в том числе, прежде всего, в воспитательных колониях» также будет реализована.

Об этом свидетельствует официальная статистика ФСИН России, о которой мы говорили выше. Это видно и невооруженным глазом: количество коек в спальнях корпусах тюрем сокращается и двухъярусные кровати переоборудуются в двухъярусные. В этом контексте иногда удивительно видеть разницу между установленным верхним пределом вместимости и фактическим количеством заключенных.

Таким образом, 26 марта 2020 года лимит вместимости ФКУ ИК-10 УФСИН России по Самарской области был установлен в размере 1045 заключенных. Фактически на указанную дату в учреждении содержится в четыре раза меньше - 259 заключенных.

По содержанию задачи Концепции 2030 и Концепции 2020 идентичны и различны. Проект Концепции до 2030 года является стратегическим документом развития уголовной системы. Поэтому очевидно, что в его положениях есть перспективные и прогрессивные сегменты на сегодняшний день. Поэтому планируется сохранить тюрьму как основную форму пенитенциарного учреждения.

Получается, что авторы Концепции-2030 не видят сегодня иного развития уголовно-исполнительной системы, кроме прежних мест изоляции: исправительных колоний.

Фактически уже в сентябре 2015 года Концепция-2020, которая в своей первоначальной редакции предусматривала два обновленных типа исправительных учреждений – тюрьма и колония-поселение – была вынуждена отказаться от предложенного формата и по определению оставить традиционное положение колонии-поселения.

В целом, если соотносить исправительную колонию (в том числе колонию-поселение) и тюрьму, то, по правильному наблюдению В. А. Уткина, тюрьма не является значимым и самостоятельным видом исправительного учреждения.

Тюрьма является органическим продолжением пенитенциарной системы. В то же время «тюремные зачатки» дополняют облик исправительно-поселенческой системы, делая ее «гибридной», «полимодальной»[9].

Если обратиться к статистике ФСИН России в целом, то можно увидеть, что современная пенитенциарная система России фактически представлена исправительными колониями на $\frac{3}{4}$. Сохранение исправительной колонии в качестве основного вида уголовно-исполнительной системы по определению приведет к необходимости модернизации и совершенствования существующей инфраструктуры уголовно-исполнительной системы.

Концепция 2030 подчеркивает это, отмечая необходимость строительства новых исправительных и следственных изоляторов, условия в которых должны соответствовать требованиям законодательства Российской Федерации (для следственных изоляторов в том числе требованиям международных стандартов).

Очевидно, что правила проектирования исправительных учреждений, принятые Минстроем России в 2017 г., и правила проектирования СИЗО в 2016 г. направлены на решение этой задачи в будущем.

«Все новое — это забытое старое». Именно так можно было бы сказать о предложенной в Концепции 2030 мере по оснащению всех охраняемых объектов в тюрьмах устройствами защиты от поражения электрическим током для защиты от проникновения внутрь.

На самом деле подобный опыт в деятельности пенитенциарной системы СССР и России уже имелся почти полувековой. Согласно приказам МВД СССР в 1973 и 1974 годах исправительные учреждения оборудовались электрифицированными заграждениями типа «Кактус».

Однако эти стандарты предусматривали лишь опытную эксплуатацию и временное использование системы. Поэтому в соответствии с приказом ГУИН МВД России от 12 сентября 1996 г. № 18/6-331 «О пригодности к применению огневой технической системы «Кактус» на тюремных сооружениях» данное техническое средство было выведено из эксплуатации, а

некоторые его элементы и по сей день применяются в ряде ИУ в качестве противопульного устройства[4].

В условиях расчистки (хранения) определенного количества ИУ, а также оптимизации численности персонала охраны ИУ и СИЗО данное устройство защиты от поражения электрическим током может быть использовано в качестве элемента предотвращения побега. Напомним, что в современной пенитенциарной системе (с декабря 2016 г.) электрошок может применяться как вид специального средства (но не как вид технического средства защиты учреждений, удерживающего заключенных от побега) в случаях несколько иного назначения. предназначен для закона.

Еще одним достаточно новым положением, предложенным Концепцией-2030, является возможность не засчитывать время, проведенное осужденным в ШИЗО, ДИЗО, ПКТ, ЭПКТ, в счет отбывания наказания. Гуманизация уголовно-исполнительного законодательства и практика отбывания наказаний в виде лишения свободы приводят, помимо многих положительных моментов, к ухудшению криминогенного состава осужденных. Последнее с каждым годом усложняется.

Конечно, эта категория заключенных также сталкивается с трудностями при применении различных мер воздействия. Практики тюрем отмечают, что иногда единственной действенной мерой является необходимость строгой изоляции заключенных.

И вот сейчас в рамках обсуждения концепции 2030 года ФСИН России решает вопрос (декабрь 2018 года) о борьбе с негативными заключенными и стабилизации ситуации в местах лишения свободы. Предложения по «возрождению» уголовной ответственности по статье 188.3 УК РСФСР, действовавшей с 1984 по 1996 год.

Это положение предусматривало уголовную ответственность для некоторых категорий заключенных, которые злонамеренно пренебрегали или иным образом нарушали уставные положения Администрации исправительно-трудовых учреждений.

Мы согласны с В. А. Уткиным, который, рассматривая причины и возможности модернизации уголовно-исполнительной системы, отмечал необходимость изучения и обсуждения вопроса о возможности увеличения судом срока содержания в исправительных учреждениях в отношении лиц, упорно сопротивляющиеся нормам и принципам общества и государства.

В отличие от концепции 2020 года, концепция 2030 года содержит положение о разработке критериев определения степени отбывания наказания осужденных и их расчетных показателей.

А. А. Синичкин отмечает, что по результатам оценки степени исправимости осужденных решается целый ряд вопросов, связанных с применением различных механизмов поощрения уголовного и уголовно-правового характера в практической деятельности исправительных учреждений.

Опять же, ни уголовный закон, ни уголовное законодательство РФ не дают конкретных и однозначных ответов. Поэтому в связи с этим у тюремных специалистов правомерно возникают вопросы о критериях определения степени исправления осужденных и их оценочных показателей.

На сегодняшний день в практической деятельности мест лишения свободы существует аналог оценки степени исправления осужденных.

Аттестация представлена как элемент индивидуальной воспитательной работы с осужденным, который, в свою очередь, оказывается руководством к практическому применению в соответствующих методических рекомендациях ФСИН России от 28 февраля 2017 г. № исх.02 - 11843. Целью аттестации является воспитательная оценка поведения и личности осужденного в период аттестации, имеющая эффект, направленный на закрепление положительных черт и коррекцию отрицательных черт личности и поведенческих мотивов.

Опознавание осужденного проводится индивидуально в его присутствии на заседании Совета по образованию Департамента. Формально степень исправления осужденного в описании отражается на его выводах. Оценивают исправление осужденных в следующей форме: «характеризуется положительно», «пытается исправиться», «характеризуется умеренно, имеет положительную тенденцию к исправлению», «характеризуется умеренно, имеет отрицательную тенденцию», «не стремится к исправлению», «негативно».

Представляется, что этот элемент оценки степени исправления осужденного может иметь продолжение.

Его необходимо изучить, протестировать и оформить в виде законов и правил как в научных, так и в практических условиях.

Концепция 2030 предлагает другое место. Рассмотрено деление института условно-досрочного освобождения на институт условно-досрочного освобождения, применяемого к лицам, проявившим свое исправление, и институт условно-досрочного освобождения, применяемый к лицам, дальнейшее отбывание наказания которых возможно без лишения свободы.

Безусловно, это предложение должно быть включено в нормы уголовного и уголовно-правового законодательства Российской Федерации. Но если прочитать это предложение (даже если мы понимаем, что в силу своего идейно-правового содержания оно лишено конкретики по объективным причинам, речь идет о законе или принятом на его основе статуте), возникает вопрос: как оформить что учитывалось в тех, кто был условно-досрочно освобожден и освобожден условно-досрочно? Является ли, к примеру, отсрочка отбывания наказания большим наркоманией видом досрочного освобождения?

Предложенное установление условного ареста, применение ареста, дальнейшее изъятие экземпляра возможно без лишения свободы, заведомо предусматривая возможность использования экземпляра при изъятии важных произведений.

По официальным данным ФСИН России, за три года (с 2020 по 2022 год) зафиксировано более 5000 отказов от работы. При этом по состоянию на 01.01.2022 в уголовно-исполнительной системе России функционировало 15 исправительных учреждений и 67 обособленных отделений исправительного учреждения, функционирующих как исправительные учреждения.

По оценкам Федеральной службы исполнения наказаний России (по состоянию на август 2021 г.), в принятом в конце декабря 2018 г. Гендерном дресс-коде № 540 евреи призывают к официальному инициированию инициирования замены права на свободу притязаний соответствуют дальнейшей ресоциализации чувств. Представляется, что при благоприятных условиях (развитии сети исправительных учреждений и изолированных территорий исправительных учреждений, функционирующих как исправительные учреждения) она находится на пределе средних показателей XX века. Объект частного сектора начнет работу в ближайшее время.

Имеются данные о наличии средств на деятельность, предусмотренную якобы строгими документами. Проект «Концепция-2030» предполагает финансирование мероприятий из трех источников: федерального бюджета, государственно-частного бюджета и средств социально ориентированных некоммерческих организаций. Мероприятия концепции 2020 года финансировались из федерального бюджета. Но в документе в разделе «Занятость, профессиональная подготовка и подготовка управленческих кадров» заложена позиция по изучению к 2020 году возможности государственно-частного использования в производственной деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы.

Наряду с вопросами реализации концепции 2020 года Федеральной службы исполнения наказаний России в начале 1910-х гг. В 21 веке были подняты вопросы о направлении мочеиспускания, включая выделение органов. Поэтому было внесено предложение (2010-2012 гг.) передать функции по инициативе ремонта и обслуживания унифицированных систем безопасности подрядчикам[7].

В. Н. Белик и А. П. Скиба, рассмотрев данный вопрос, констатируют, что смешанное финансирование (средства государственно-частного партнерства и средства социально ориентированных некоммерческих организаций) является одним из перспективных направлений развития отечественной пенитенциарной системы. Участие негосударственных структур в деятельности учреждений лишения свободы возможно в таких сферах, как изготовление продукции и использование заключенных, строительство учреждений, оказание услуг (организация аптек, больниц с дополнительными медицинскими услугами) и вспомогательные службы) и т. д. При этом эти сооружения должны быть

Предоставляются обширные гарантии возврата инвестиций или возможности другого

использования (в частности, за счет налоговых льгот).

Анализ проекта Концепции-2030 позволяет включить в его содержание некоторые моменты, которые, на наш взгляд, были бы актуальны для идейно-правовой формы документа. Это касается, например, развития уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, особенно его административно-правовой части.

Правоприменительная практика Департамента показывает, что многие проблемы в деятельности мест лишения свободы требуют уточнения или разрешения. Это особенно заметно практикующим в их дискуссиях.

В сфере надзора за заключенными, например, отношения в сфере маркировки колющих и режущих инструментов в исправительном учреждении остаются совершенно нестабильными.

В связи с осуществлением воспитательной работы с заключенными и деятельностью начальника отделения исправительного учреждения, проблемами работы дежурного по карантинному отделению, действиями начальника отделения при поступлении заключенного в отделение, подготовка осужденного к освобождению и его последующее увольнение и т.п. не регулируются.

Представляется, что многие частные и специфические вопросы в деятельности сотрудников исправительных учреждений необходимо вывести с уровня методических рекомендаций на уровень нормативно-правовой базы ведомств Минюста России и ФСИН России.

В Концепции-2030 может быть расширено развитие гибридных (мультимодальных) институтов, которые уголовное законодательство декларирует уже не первый год. Представляется, что сокращение (ликвидация, сохранение) пенитенциарной структуры, а также поддержание общественно полезных связей между заключенными и родственниками (это реализация Федерального закона от 01.04.2020 № 96-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ») требуют новой формы ИУ. Это учреждения с разными типами режимов, включая как ведомственные (ИК, ВК, ЛИУ, ЛПУ), так и тюремно-камеральные (тюрьма и, возможно, следственный изолятор). В проекте концепции до 2030 г. в этой связи можно было бы внести дополнительные предложения по дальнейшему развитию изолированных территорий расселения на базе колоний-поселений.

Пожизненное заключение также может стать одним из положений Концепции-2030 (документ предусматривает лишь пересмотр оснований для условно-досрочного освобождения осужденных, в том числе пожизненного заключения), особенно с учетом рекомендаций европейских правозащитных структур по ее коренной реформе. Эта проблема также неоднократно обсуждалась в уголовно-правовых исследованиях.

В Концепции-2030 могут быть отражены вопросы, нетрадиционные для современного российского общества, а тем более для российской пенитенциарной системы в целом: это содержание в тюрьмах и следственных изоляторах заключенных, подозреваемых, обвиняемых трансвеститов, транссексуалов, трансгендеров, а также люди, не чувствующие себя ни мужчиной, ни женщиной, или и то, и другое не принадлежащими к этим родам, либо находящиеся (воспринимаемые) «между» или «вне» их (небинарные и квир-идентичности).

В условиях глобализма в мировых обществах появляются тенденции на особую гендерную идентичность личности. Данный вопрос весьма не прост для российского общества, а для мест лишения свободы сложен вдвойне[11].

В связи с этим на концептуальном уровне должны быть отражены вопросы содержания изолированных лиц в исправительных учреждениях (определение мест и особенностей содержания и содержания под стражей, обеспечение личной безопасности и др.).

Мы уже отмечали, что при благоприятных условиях установление принудительных работ потенциально может конкурировать с лишением свободы. Принудительный труд стал в последние годы гармоничным элементом прогрессивной пенитенциарной системы и улучшил положение осужденных к лишению свободы. Однако гипотетические положительные изменения как в законодательстве, так и в практике могут нести риски. С чем они связаны?

На сегодняшний день Уголовный кодекс Российской Федерации проводит четкое разграничение лиц, содержащихся в местах лишения свободы. Согласно ст.80 вся масса заключенных в пенитенциарном учреждении разделена, изолирована и содержится в одиночных

камерах, чего нельзя сказать о принудительных работах. В связи с этим уголовный закон (ст. 80 УК РФ) допускает перевод различных категорий осужденных в исправительные учреждения или изолированные помещения исправительных учреждений, выполняющих функции исправительных учреждений. Поэтому различные категории осужденных, вышедших из исправительных учреждений, могут содержаться в местах принудительного труда. Это могут быть судимые за повторные совершения особо опасных преступлений, осужденные - бывшие работники судов и правоохранительных органов, лица, осужденные к лишению свободы впервые и т.д. персонала и обеспечения правопорядка в местах принудительной трудовой службы.

Резюмируя, следует отметить, что структуры и подразделения ФСИН России, разработавшие проект концепции 2030 г., за последние десять лет выработали положительные идеи и смысловые направления в российском уголовном праве. Система должна двигаться уже сегодня, а завтра и как оно будет в будущем.

Хочется верить, что Концепция-2030, принятая, доработанная и согласованная с заинтересованными сторонами в конце 2020 года, действительно консолидирует усилия государственных органов, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в развитии уголовной системы и существующих взаимоотношений.

Библиографический список

1. Мушинский М. А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 488–499.

2. Селиверстов В. И. О будущей концепции развития уголовно-исполнительной политики Российской Федерации в свете воззрения профессора А. И. Зубкова // Организационно-правовое обеспечение деятельности учреждений и органов ФСИН России: проблемы и перспективы развития: материалы межвузовской научно-практической конференции посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А. И. Зубкова, Дню российской науки, 140-летию УИС и 85-летию Академии ФСИН России. (Рязань, 8 февраля 2019 г.). Рязань: Академия ФСИН России, 2019. С. 259–266.

3. Уткин В. А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. 240 с.

4. Бойков К. К. Актуальные проблемы организационного и технического обеспечения системы охраны в учреждениях и органах УИС // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 12. С. 5–9.

5. Уткин В. А. Основания и пути модернизации системы наказаний // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 127–130.

6. Синичкин А. А. Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань: КГУ, 2003. 30 с.

7. Масленников Е. Е. Совершенствование организационных основ функционирования службы охраны территориального органа уголовно-исполнительной системы в условиях реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 1. С. 14–16.

8. Белик В. Н., Скиба А. П. Вопросы государственно-частного партнерства в сфере исполнения лишения свободы: состояние, анализ и имплементация в отечественную правоприменительную практику // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 94–99.

9. Уткин В. А. Правовой статус осужденных: законодательное и подзаконное регулирование // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: материалы Всерос. науч.-практ. конф-ции, Томск 19–20 апреля 2018 г.: в 2 ч. / под общ. ред. заслуженного юриста РФ, д-ра юрид. наук проф. В. А. Уткина; Томский ИПКР ФСИН России. Томск: Томский ИПКР ФСИН России, 2018. Ч. 1. Выпуск 6. С. 13–20.

10. Селиверстов В. И. О направлениях изменения концептуальных положений уголовноисполнительной политики Российской Федерации // Пенитенциарная безопасность:

национальные традиции и зарубежный опыт: материалы Всероссийской научно-практической конференции (30–31 мая 2019 г.): в 2 ч. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2019. Ч. 1. С. 200–203.

11. Левская К. В какую колонию сажать девочку-мальчика? // Версия. 2014. № 19(444).

References

1. Mushinsky M. A. Strategii, koncepcii, doktriny v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii: problemy statusa, yuridicheskoy tekhniki i sootnosheniya drug s drugom [Strategies, Concepts, Doctrines in the Legal System of the Russian Federation: Problems of Status, Legal Technique and Communication with Each Other]. Yuridicheskaya tekhnika [Legal equipment], 2015, no. 9, pp. 488–499 [in Russian].

2. Seliverstov V. I. O budushchej koncepcii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj politiki Rossijskoj Federacii v svete vozzreniya professora A.I. Zubkova [On the Future Concept of Development of the Penal Correction Policy of the Russian Federation in the Light of the Opinion of Professor A.I. Zubkov]. Organizacionno-pravovoe obespechenie deyatel'nosti uchrezhdenij i organov FSIN Rossii: problem i perspektivy razvitiya: materialy mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Organizational and legal support for the activities of institutions and agencies of the Federal Penal Correction Service of the Russian Federation: problems and prospects for development: materials of the inter-university scientific and practical conference]. Ryazan, 2019, pp. 259–266 [in Russian].

3. Utkin V. A. Problemy teorii ugolovnyh nakazaniy: kurs lekcij [Problems of criminal punishment theory]. Tomsk, 2018, 240 p. [in Russian].

4. Boykov K. K. Aktual'nye problemy organizacionnogo i tekhnicheskogo obespecheniya sistemy ohrany v uchrezhdeniyah i organah UIS [Current problems of organizational and technical support of the security system in institutions and bodies of the penal correction system]. Vedomosti ugolovnoispolnitel'noj sistemy [Sheets of penal correction system], 2015, no. 12, pp. 5–9 [in Russian].

5. Utkin V. A. Osnovaniya i puti modernizacii sistemy nakazaniy [Grounds and ways of modernizing the system of punishment]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Journal of Tomsk State University], 2011, no. 349, pp. 127–130 [in Russian].

6. Sinichkin A. A. Ocenka stepeni ispravleniya osuzhdennyh k lisheniyu svobody. Diss. kand. yurid. nauk [Assessment of the degree of correction of prisoners sentenced to deprivation of liberty. Candidate of Law thesis]. Kazan, 2003, 30 p. [in Russian].

7. Maslennikov E. E. Sovershenstvovanie organizacionnyh osnov funkcionirovaniya sluzhby ohrany territorial'nogo organa ugolovno-ispolnitel'noj sistemy v usloviyah realizacii koncepcii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda [Improvement of the organizational basis of the operation of the security service of the territorial body of the penal correction system in the context of the implementation of the concept of development of the penal correction system of the Russian Federation until 2020]. Ugolovno-ispolnitel'noe parvo [Criminal and executive right], 2012, no. 1, pp. 14–16 [in Russian].

8. Belik V. N., Skiba A. P. Voprosy gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v sfere ispolneniya lisheniya svobody: sostoyanie, analiz i implementaciya v otechestvennuyu pravoprimenitel'nuyu praktiku [Issues of public-private partnership in the sphere of freedom enforcement: status, analysis and implementation in domestic law enforcement practice]. Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii [Jurisprudence and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Russian Interior Ministry Academy], 2018, no. 2(42), pp. 94–99 [in Russian].

9. Utkin V. A. Pravovoj status osuzhdennyh: zakonodatel'noe i podzakonnoe regulirovanie [Legal status of convicted persons: legislative and by-law regulation]. Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psihologiya i pravo: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Tomsk 19–20 aprelya 2018 g. [Penal Enforcement System: Pedagogy, Psychology and Law: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Tomsk, 2018, april 19–20, part 1, pp. 13–20 [in Russian].

10. Seliverstov V. I. O napravleniyah izmeneniya konceptual'nyh polozhenij ugolovnoispolnitel'noj politiki Rossijskoj Federacii [On the Directions for Changing the Conceptual Provisions of the Penal Correction Policy of the Russian Federation]. Penitenciarnaya bezopasnost':

nacional'nye tradicii I zarubezhnyj opyt: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (30–31 maya 2019 g.) [Penitentiary safety: national traditions and foreign experience: materials of the All-Russian scientific and practical conference]. Samara, 2019, part 1, pp. 200–203 [in Russian].

11. Levskaya K. V kakuyu koloniyu sazhat' devochku-mal'chika? [Which colony should a girl boy be put in?]. Versiya [Version], 2014, no. 19(444) [in Russian].